

Тимбукту / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 23 января, 2025

Тимбукту / рассказ ТИМБУКТУ

Бульвар, эта река жизни, кишел народом в золотой пыли заходящего солнца. Все небо было красным, ослепительным; огромное пылающее облако бросало из-за церкви Мадлен вдоль всей улицы кривой огненный отблеск, трепетавший, как горячий воздух, которым пышет от жаровни.

Веселая, возбужденная толпа двигалась в этом пламенеющем тумане; это было похоже на апофеоз. Лица золотились, платья и черные цилиндры отсвечивали пурпуром; лакированная обувь отбрасывала яркие блики на асфальт тротуара.

Перед всеми кафе за столиками сидели люди; разноцветные напитки искрились в хрустальных бокалах, напоминая расплавленные драгоценные камни.

Среди посетителей, одетых в легкие костюмы темных тонов, выделялись два офицера в парадной форме, слепившей взоры блеском золотых галунов. Они болтали с безотчетной радостью, окруженные этой ликующей жизнью, этим лучезарным вечерним сиянием; они разглядывали толпу на бульваре, где мужчины двигались медленно, а женщины пробегали торопливо, оставляя за собою приятный и волнующий аромат.

Вдруг мимо них торжественно проследовал огромного роста него с большим брюшком, одетый в черное; на фланелевом жилете у него блестяли брелоки, а лицо отливало глянцем, словно начищенное ваксой. Он улыбался прохожим, улыбался газетчикам, улыбался сверкающему небу, улыбался всему Парижу. Он был так высок, что голова его плыла над толпой, и зеваки оборачивались, чтобы посмотреть ему вслед.

Внезапно он заметил офицеров и бросился к ним, расталкивая прочих посетителей. Очутившись перед их столиком, он уставился на них сверкающими и восхищенными глазами, рот его расплылся до ушей, и белые зубы заблестели, как лунный серп на черном небе. Оба военных изумленно смотрели на этого гиганта, словно

вырезанного из черного дерева, не понимая, чему он радуется. А он воскликнул так громко, что за всеми столиками послышался смех:

– Зд’австуй, господин лейтенант!

Один из офицеров был батальонным командиром, другой – полковником. Первый сказал:

– Я незнаком с вами, сударь. Что вам угодно?

Негр продолжал:

– Я очень любит тебя, лейтенант Ведье, осада Бези, много виног’ада, искал меня.

Офицер был озадачен, он пристально смотрел на него, роясь в воспоминаниях, и вдруг воскликнул:

– Тимбукту!

Негр засиял, ударил себя по ляжке и, захохотав во все горло, проревел:

– Да, да, господин лейтенант узнал Тимбукту, да, зд’австуй.

Батальонный командир протянул ему руку, тоже смеясь от всей души. Но Тимбукту стал вдруг серьезен. Он схватил руку офицера, быстро наклонился и поцеловал ее, по негритянскому и арабскому обычаю. Офицер не успел этому воспротивиться и, смутившись, сказал строго:

– Ну, ну, Тимбукту, мы не в Африке. Сядь и расскажи мне, как ты очутился в Париже?

Тимбукту выпятил живот и затараторил:

– За’абатывал много денег, много большой е’сто’ан, хо’ошая еда, п’уссаки, много во’овал, много, ф’анцузская кухня, Тимбукту, пова’ импе’ато’а, двести тысяч ф’анков мне. Ха-ха-ха-ха!

Он корчился и ревел от смеха, а в его глазах светилась буйная радость.

Офицер, понимавший его странную речь, еще некоторое время расспрашивал его, а затем сказал:

– Ну, теперь до свидания, Тимбукту, мы скоро с тобой увидимся.

Негр тотчас же встал, пожал на этот раз протянутую ему руку, и, продолжая смеяться, крикнул:

– Зд’австуй, зд’австуй, господин лейтенант!

И он ушел, так сильно жестикулируя от радости, что его

принимали за сумасшедшего. Полковник спросил:

– Что это за тип?

Батальонный командир ответил:

– Хороший парень и хороший солдат. Я расскажу вам о нем; это довольно смешно.

Вы знаете, что в начале войны 1870 года я был заперт в Безьере, который этот негр называет Бези. Мы были не осаждены, а скорее блокированы. Линии прусских позиций окружали нас со всех сторон, но находились вне досягаемости для артиллерийского огня; нас не обстреливали, а постепенно морили голодом.

Я был тогда лейтенантом. Наш гарнизон состоял из самых разношерстных войск: остатки разбитых полков, дезертиры, мародеры, оставшие солдаты. У нас было всего понемногу, даже одиннадцать тюркосов, неизвестно как и неизвестно откуда взявшихся. Они появились в один прекрасный день у городских ворот, изнуренные, оборванные, голодные и пьяные. Их отдали мне.

Я скоро убедился, что они не подчинялись дисциплине, всегда находились в бегах и всегда были под хмельком. Я пробовал сажать их на гауптвахту, даже в карцер, но ничто не помогало. Мои тюркосы пропадали по целым дням, словно проваливались сквозь землю, а затем являлись вдребезги пьяные. Денег у них не было. Где же они напивались? Каким образом? Чем?

Меня это сильно заинтересовало, тем более, что эти дикари нравились мне; вечным своим смехом и живым характером они напоминали взрослых шаловливых детей.

Я заметил, что они слепо повиновались самому рослому из них, – тому, кого вы только что видели. Он командовал ими и подготавливал все их таинственные предприятия, как всемогущий вождь, с которым никто не смеет спорить. Я вызвал его к себе и стал расспрашивать. Разговор наш продолжался часа три, – настолько мне было трудно разбирать его тарабарщину. Он же, бедняга, делал неслыханные усилия, чтобы его поняли, изобретал слова, жестикулировал, потел от натуги, вытирал лоб, сопел, останавливался и неожиданно начинал говорить снова, когда ему

казалось, что он обрел новый способ выразить свои мысли.

В конце концов я понял, что он был сыном какого-то крупного вождя, негритянского царька из окрестностей Тимбукту. Я спросил, как зовут его. Он произнес что-то вроде Шавахарибухаликхранафотаполара. Я решил, что гораздо проще называть тюркоса именем его родины: «Тимбукту». И через неделю весь гарнизон уже не называл его иначе.

Но нам безумно хотелось узнать, откуда этот африканский экспринц ухитрялся доставать себе выпивку. Я открыл это самым странным образом.

Как-то утром, находясь на крепостной стене, я обозревал окрестности и вдруг заметил, что в одном из виноградников что-то шевелится. Виноград созрел, приближалось время сбора, но я не думал об этом. Мне пришло в голову, что к городу пробирается шпион, и я организовал настоящую экспедицию, чтобы поймать его. С согласия генерала, командование над нею я принял на себя.

Из трех разных ворот я вывел три маленьких отряда, которые должны были соединиться около подозрительного виноградника и окружить его. Чтобы отрезать шпиону путь к отступлению, одному из моих отрядов пришлось сделать по крайней мере часовой переход. Солдат, оставленный для наблюдения на стенах крепости, сообщил мне условленным знаком, что замеченный субъект не покинул поля. Мы двигались в полном молчании, ползком, почти ложась в колеи дороги. Наконец мы достигли намеченного пункта. Тут я внезапно развертываю солдат в цепь, они бросаются в виноградник и находят... Тимбукту, который гуляет на четвереньках под лозами и поедает виноград, – точнее говоря, хватает его ртом прямо с лозы, отрывает зубами целые грозди, словно собака, жрущая мясо.

Я хотел, чтобы Тимбукту поднялся, но об этом нечего было и думать, и тогда я понял, почему он ползает на четвереньках. Как только его поставили на ноги, он зашатался, затем вытянул руки вперед и грохнулся на землю. Он был пьян, более пьяного человека я до той поры никогда не видывал.

Пришлось нести его на носилках, сделанных из жердей для подвязывания винограда. Всю дорогу он не переставал хохотать,

болтая ногами и руками.

Вот в чем заключалась тайна. Мои ребята напивались самым виноградом. А когда они были мертвецки пьяны, они там же и засыпали.

Что касается Тимбукту, то его любовь к винограду была просто невероятна и превосходила всякую меру. Он жил среди виноградных лоз наподобие дроздов, которых ненавидел ненавистью ревнивого соперника. Он непрестанно повторял:

– Д'озды, обжо'ы, съедят весь виног'ад!

Как-то вечером за мной пришли. На равнине было замечено что-то темное, приближающееся к нам. Я не взял подозрительной трубы и поэтому не видел ясно. Казалось, что по дороге извивается большая змея или движется какая-то процессия, – я не мог понять.

Я послал нескольких, человек навстречу этому странному каравану, и вскоре он совершил свое триумфальное вступление в город. То были Тимбукту и девять его товарищей; они несли на чем-то вроде алтаря, сооруженного из деревянных стульев, восемь отрубленных голов, окровавленных, изуродованных человеческих голов. Десятый тюркос тащил под уздцы лошадь, к хвосту которой была привязана другая, а за ней следовали еще шесть лошадей, соединенных тем же манером.

Вот что я узнал. Отправившись в виноградники, мои африканцы заметили вдруг, что к одной из соседних деревень подходит прусский отряд. Вместо того чтобы удрать, они спрятались, а когда офицеры слезли с лошадей у постоялого двора, чтобы выпить чего-нибудь, все одиннадцать молодцов бросились на них, обратили в бегство уланов, решивших, что происходит атака, убили двух часовых, полковника и пять сопровождавших его офицеров.

В этот день я расцеловал Тимбукту. Заметив его тяжелую походку, я подумал, что он ранен, но он расхохотался и сказал мне:

– П'инес запасы для 'одины.

Дело в том, что Тимбукту воевал не ради чести, а ради добычи. Все, что он ни находил, все, что представляло, по его мнению, какую-нибудь ценность, и в особенности все, что блестело, – он

засовывал в свой карман. И какой карман!.. От бедра до щиколотки! Бездна, настоящая бездна! Переняв солдатский термин, он называл карман «глубиной», – и действительно это была глубина!

Он ободрал все золото с прусских мундиров, медь с касок, пуговицы и так далее, пошвыряв все это в свою «глубину», которая была полна до краев.

Каждый день он бросил туда какой-нибудь блестящий предмет, попадавшийся ему на глаза, – кусочки олова или серебряные монеты, и поэтому его фигура приобретала иногда очень смешной вид.

Он рассчитывал увезти все это в страну страусов, которым этот королевский сын, томимый страстью к блестящим предметам, казалось, приходился сродни. Что бы делал он с этими предметами, не будь у него «глубины»? Наверно, глотал бы их, как страус.

Каждое утро карман его оказывался пуст. Следовательно, у Тимбукту был какой-то склад, в котором хранились его богатства. Но где находился этот склад? Я так и не мог дознаться.

Генерал, которому доложили о подвиге Тимбукту, велел поскорее похоронить тела убитых, оставшиеся в соседней деревне, чтобы не узнали, что они были обезглавлены. Пруссаки вернулись туда на следующий день. Мэр и семь наиболее почтенных жителей были ими тотчас же расстреляны в наказание за то, что они якобы сообщили нам о присутствии немцев в деревне.

Наступила зима. Мы были изнурены и впали в отчаяние. Теперь каждый день происходили стычки. Изголодавшиеся люди еле могли двигаться. Только восемь тюркосов (трое уже были убиты) были все такими же толстыми, лоснящимися, сильными и неизменно готовыми к бою. Тимбукту даже разжирел. Как-то раз он сказал мне:

– Ты много голоден. У меня хо'оший мясо.

И он на самом деле принес мне великолепное филе. Но что это было за мясо? У нас не оставалось больше ни быков, ни баранов, ни коз, ни ослов, ни свиней. Достать лошадь было невысказано. Я подумал обо всем этом уже после того, как съел мясо. И у меня

мелькнула ужасная мысль. Ведь родина наших негров была совсем близко от страны людоедов! А в окрестностях города каждый день убивали столько солдат! Я спросил об этом Тимбукту. Он не захотел ответить. Я не настаивал, но в дальнейшем отказывался от его подношений.

Он обожал меня. Как-то ночью на аванпостах нас захватил снег. Мы сидели на земле. Я с жалостью смотрел, как бедные негры дрожат под этой белой морозной пылью. Прозябнув, я начал кашлять. И тотчас же я почувствовал на своих плечах нечто вроде большого и теплого одеяла: это Тимбукту набросил на меня свой плащ.

Я встал и, возвращая ему плащ, промолвил:

– Оставь-ка его у себя, приятель, тебе он нужнее, чем мне.

Он ответил:

– Нет, господин лейтенант, для тебя. Мне не нужно. Мне тепло, тепло.

И он смотрел на меня умоляющими глазами.

Я продолжал:

– Ну, изволь слушаться, возьми свой плащ, я так хочу.

Тогда негр поднялся, вытащил из ножен саблю, – он умел ее оттачивать, как косу, – и, держа другою рукой широкий плащ, от которого я отказывался, произнес:

– Если ты не п'имешь плащ, я 'езал. Никому плащ.

Он так и сделал бы. Мне пришлось уступить.

Через неделю мы капитулировали. Некоторым удалось бежать. Другие должны были выйти из города и сдаться победителям.

Я направился на плац, где нам приказали собраться, и вдруг остановился в изумлении перед великаном-негром, одетым в белый полотняный костюм и соломенную шляпу. Это был Тимбукту. Засунув руки в карманы, он прогуливался с сияющим видом перед небольшой лавочкой, в витрине которой были выставлены две тарелки и два стакана:

Я спросил:

– Тимбукту, ты что здесь делаешь?

Он ответил:

– Я не уходить. Я хо'оший пова'. Я ко'мил полковник в Алжи'е.

Я ко'мить п'уссаков. Много во'овать. Много.

Было десять градусов мороза. Я дрожал от холода, разговаривая с негром, одетым в полотно. Тогда он взял меня за руку и повел в лавку. Я заметил огромную вывеску, которую он собирался повесить над дверью, но лишь после того, как мы уйдем из города: у него было все-таки чувство стыда.

И я прочел надпись, сделанную, очевидно, рукой сообщника:

ВОЕННАЯ КУХНЯ г-на ТИМБУКТУ,
бывшего повара е. в. императора.
Парижский мастер. Цены умеренные.

И хотя сердце мое разрывалось от отчаяния, я невольно рассмеялся и предоставил негра его новым занятиям.

Не лучше ли это было, чем отдать его в руки неприятеля?

Как видите, парень преуспевает.

Безьер принадлежит теперь Германии. Ресторан Тимбукту – это начало реванша.

* * *

Напечатано в «Голуа» 2 августа 1883 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП
«Аурика», 1994

Перевод Н.Костовской Некаýalar